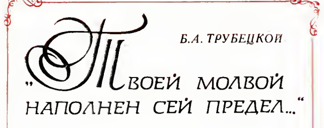
Б. А. ТРУБЕЦКОЙ

Б. А. ТРУБЕЦКОЙ

Б.А. ТРУБЕЦКОЙ

„Твоей молвой наполнен сей предел...“

(Страницы жизни Пушкина в Молдавии)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРТЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЕВ * 1973

8Р1
Т77

3 октября 1970 года исполнилось 150 лет со дня приезда великого русского поэта А. С. Пушкина в Молдавию, в Кишинев.

Книжка известного пушкиниста (автора книги «Пушкин в Молдавии») Б. А. Трубецкого «Твоей молвой наполнен сей предел...» является живым описанием наиболее интересных моментов жизни поэта в период бессарабской ссылки, повествует в научно-популярной, занимательной форме о жизни и творчестве Пушкина в эти годы, о дружеских связях русского и молдавского народов.

Книжку с интересом прочтут все многочисленные почитатели Пушкина.

$Т\ \frac{0722-016}{М751(12)-73}\ 221-73$

ПОДОРОЖНАЯ ПУШКИНА

В 1937 г. балетмейстер Парижской оперы и коллекционер, владелец ряда пушкинских автографов (10 писем Пушкина к невесте Н. Н. Гончаровой и других),— Сергей Лифарь приобрел у букиниста на набережной Сены интересный документ, связанный с высылкой Пушкина на юг России. Этот документ С. Лифарь, приехав в качестве туриста в 1961 г. в СССР, подарил Пушкинскому дому, Институту русской литературы АН СССР (Ленинград).

Что же это был за документ?

Как известно, Пушкин был подвергнут за свои вольнолюбивые стихотворения высылке на юг России. Но эта политическая ссылка была замаскирована переводом поэта на службу из коллегии иностранных дел в Екатеринослав (теперь Днепропетровск), в распоряжение генерал-лейтенанта И. Н. Инзова, главного попечителя колонистов Южного края России.

При выезде из Петербурга Пушкину была выдана Подорожная или Пашпорт за № 2295 от 5/V 1820 г., в котором было записано следующее: «Показатель сего Ведомства Государственной коллегии иностранных дел Коллежский Сек-

ретарь Александр Пушкин отправлен по надобностям службы к Главному попечителю Колонистов Южного края России г. Генерал-Лейтенанту Инзову; почему для свободного проезда сей пашпорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге мая 5 дня 1820-го года».

Вот какой документ подарил Сергей Лифарь Пушкинскому дому!

Любопытно отметить и тот факт, что текст Подорожной был написан сослуживцем Пушкина по Коллегии иностранных дел, секретарем коллегии М. Яковлевым, сотоварищем Пушкина по Царскосельскому лицею.

С выдачей Подорожной Пушкину связано имя и еще одного человека, видного чиновника Коллегии иностранных дел, ведавшего непосредственно управлением Бессарабии. Это был статс-секретарь граф Иван Антонович Каподистрия, возглавлявший в 1816—1822 гг. канцелярию по управлению Бессарабской областью.

Кстати говоря, 17 марта 1822 г. И. А. Каподистрия представил царю обширнейший доклад и материалы к нему всего на 240 листах об управлении Бессарабской областью в 1816—1822 гг. *Этот доклад и материалы представляют значительный интерес для изучения истории Молдавии.* И. А. Каподистрия, грек по происхождению, в 1827 г., после освобождения Греции от турецкого ига, вернулся на родину, где стал президентом. Но мы упоминаем здесь о Каподистрии в связи с тем, что Подорожная была выдана Пушкину через его канцелярию.

Будучи выслан в Екатеринослав, Пушкин прожил там 10 дней, заболел и получил разре-

шение выехать на Кавказ и в Крым, где пробыл до середины сентября 1820 г. За это время генерал И. Н. Инзов был назначен полномочным наместником Бессарабской области. Вот почему Пушкин должен был поехать в Кишинев, в Бессарабию к новому месту службы. Здесь Пушкин и прожил до переезда в Одессу в начале августа 1823 года.

«ДОМИК ПУШКИНА»

В 1898 г., накануне 100-летия со дня рождения Пушкина, кишиневская газета «Бессарабец» в № 315 от 5 сентября в заметке «К юбилею Пушкина», упомяная о том, что Пушкин жил в каком-то из домов в старой части Кишинева, далее с горечью отмечает: «но где этот дом, никто не знает, так как никто не задавал себе труда отыскать его ... и сохранить».

В начале сентября 1944 г. местные жители показывали нам, где находится «домик Пушкина», как они его называли.

Вид этого домика, находящегося на улице Антоновской № 19 (ранее, при Пушкине, она называлась Антоньева), был ужасен. Провалившаяся крыша, ветхие двери, окна и полы, грязь и руины разрушенных зданий, находившихся близ него (здесь теперь разбит небольшой сквер). Нужны были срочные меры, чтобы сохранить этот дом. И вот решением Правительства Молдавской ССР домик Пушкина был рес-

таврирован и 10 февраля 1948 года в нем открыт мемориальный Дом-музей А. С. Пушкина. Кстати говоря, в Советском Союзе сохранились только два дома, в которых жил Пушкин: последняя квартира поэта в Ленинграде, Мойка, 12 и дом в Кишиневе. Все остальные дома (в Михайловском, в Болдино, в Каменке и другие) восстановлены.

Часто задают, и совершенно закономерно, вопрос: а откуда, на основе каких данных установлено, что дом на улице Антоновской № 19 это действительно тот дом, где жил Пушкин? Разве можно верить только устным преданиям?

Эти сомнения верны, и чтобы открыть мемориальный Дом-музей нужно было располагать неопровержимыми данными — соответствующими историческими, архивными материалами, документами, свидетельствами современников Пушкина.

В Центральном государственном архиве (ЦГА) Молдавской ССР сохранились материалы, относящиеся к сентябрю 1820 г., об «Общественном выборе» одного из членов областной квартирной комиссии, купца Ивана Николаевича Наумова. Эта квартирная комиссия занималась устройством на квартиру приезжающих в Молдавию офицеров и чиновников.

Кишиневские знакомые Пушкина В. П. Горчаков и И. П. Липранди в своих воспоминаниях указывают, что Пушкин, приехав в Кишинев, «основался в небольшой горенке гостиницы русского переселенца Ивана Николаева, этого пресловутого члена Кишиневской квартирной комиссии» (В. П. Горчаков, см. журнал «Москви-

тянин», 1850 г., № 2—3), «остановился в заезжем доме у Ивана Николаевича Наумова» (И. П. Липранди, см. журнал «Русский архив», 1866 г., № 8—9).

Теперь нужно было установить, а где же находится дом И. Н. Наумова, у которого остановился Пушкин.

Тот факт, что «домик Пушкина» на Антоновской № 19 и есть тот самый дом И. Н. Наумова, подтверждается сохранившимся планом старого Кишинева, на котором и дом Наумова и другие здания и церкви отмечены на тех местах, на тех улицах, на которых они находятся и по сей день.

К сожалению, не сохранились ни дом генерала Инзова, ни домик друга Пушкина, чиновника Н. С. Алексеева, где также жил поэт.

Дом-музей А. С. Пушкина пользуется большой популярностью среди трудящихся не только Молдавии, но и всего Советского Союза. За 20 с лишним лет его посетило свыше 300 тысяч человек!

К. НЕГРУЦИ — ПЕРВЫЙ МОЛДАВСКИЙ АВТОР ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНЕ В МОЛДАВИИ

В 1947 г. мне как книголюбу и пушкинисту явно повезло. И до этих пор я покупал на базаре, у торговцев разными старинными вещами, книгами и газетами немало интересных старых печатных изданий XIX — начала XX вв. Но

книга, которую я приобрел, была, конечно, самой ценной, почему я и передал ее в библиотеку открывшегося вскоре Дома-музея А. С. Пушкина в Кишиневе. Что же это была за книга?

В 20-х гг. XIX в. в Кишиневе жил классик молдавской литературы Костаке Негруци. Во время греческого национально-освободительного движения (Гетерии) юный Негруци в 1821 г. бежал из Ясс в Бессарабию. Сначала он жил с отцом в Хотине, а затем весной 1822 г. переехал в Кишинев, где прожил год, до весны 1823 г. С 30-х гг. Негруци активно участвует в молдавской прессе, публикуя свои очерки, рассказы, повести. А в 1857 г. в Яссах выходит в свет первый сборник его новелл «Păcatele tineretilor» («Грехи молодости»).

Вот эту книгу К. Негруци, ставшую теперь библиографической редкостью, мне и удалось приобрести.

Но ценной эта книга оказалась вдвойне: здесь К. Негруци в автобиографической новелле (из цикла писем «Черным по белому»), в Письме VII под названием «Калипсо» рассказал не только о гречанке-эмигрантке Калипсо Полихрони, но и о своей встрече и затем дружбе с Пушкиным.

О первой встрече с Пушкиным К. Негруци пишет следующее: «Два лица обратили особое мое внимание и произвели на меня неизгладимое впечатление. Это были: молодой человек среднего роста в красной феске на голове, и молодая девушка, высокого роста, завернутая в черную шаль... (Калипсо.—*Б. Т.*). Молодой человек был А. Пушкин... Пушкин полюбил меня и

находил особое удовольствие исправлять мои ошибки, когда мы с ним беседовали по-французски. Изредка он просиживал целые часы в городском саду (теперешний парк имени А. С. Пушкина, существующий с 1818 г. — *Б. Т.)* и слушал, как мы болтали с Калипсо погречески. Иногда же декламировал свои стихотворения, которые тут же переводил по-французски».

О встрече Негруци с Пушкиным пишет и другой известный молдавский писатель — Василе Александри: «Во время своего пребывания в Бессарабии он (Негруци) знакомится с известным поэтом Пушкиным».

Воспоминания К. Негруци о Пушкине, приведенные в новелле «Калипсо», являются первыми сообщениями о Пушкине кишиневского периода в молдавской печати XIX в., и К. Негруци — первый молдавский автор воспоминаний о пребывании Пушкина в Кишиневе.

Новелла «Калипсо» затем была в виде пересказа на русском языке опубликована в «Бессарабских областных ведомостях» за 1866 г., № 44 (статья «Несколько слов о Пушкине»), а потом появилась в русском переводе в России в журнале «Исторический вестник» за 1884 г., № 2. Таким образом, всей читающей России стала известна новелла «Калипсо», принадлежащая перу К. Негруци, классику молдавской литературы.

«МОЛДАВСКАЯ ПЕСНЯ»

Живя в Кишиневе, в доме И. Н. Наумова, Пушкин за эти два месяца написал свои первые в Молдавии произведения — стихотворения «Дочери Карагеоргия» и «Черная шаль» («Молдавская песня»).

Стихотворение «Дочери Карагеоргия» посвящено дочери вождя сербского национально-освободительного движения 1804—1806 гг. Георгия Черного.

Но нас особенно интересует стихотворение «Черная шаль» («Молдавская песня»), которое тесно связано с молдавским фольклором, о чем свидетельствует само название стихотворения. Кишиневский знакомый Пушкина, офицер и поэт В. П. Горчаков в своих воспоминаниях пишет: «При первом появлении Пушкин назвал это стихотворение Молдавской песней». Стихотворение впервые было напечатано с заголовком «Черная шаль» и подзаголовком «Молдавская песня» в журнале «Сын отечества» за 1821 г., № 15. Пушкин, возмущенный ошибками, которые искажали текст стихотворения, послал его в журнал «Благонамеренный», где оно и было опубликовано в 1821 г. в № 10 только *под заголовком «Молдавская песня»*. (Автограф этого варианта стихотворения найден был в 1936 году и фотокопию его можно увидеть в Доме-музее Пушкина в Кишиневе). Затем в двух прижизненных изданиях своих произведений (в 1826 г. и 1829 г.) Пушкин опубликовал стихотворение под таким названием:

«Черная шаль. Молдавская песня». Поэтому нельзя прнзнать правнльным то, что в современных нзданнях стнхотворения опускается вторая часть заголовка.

Названнем «Молдавская песня» Пушкнн подчеркивал, что содержаине стнхотворення взято из народной молдавской песни. И если текст ее н ие дошел до иаших дией, то для нас свидетельство Пушкииа о том, что такая молдавская песня была, является авторитетным н неопровержимым.

КИШИНЕВСКИЙ АВТОПОРТРЕТ ПУШКИНА

27 сеитября 1822 г. Пушкин в письме известному поэту Н. И. Гнедичу, благодаря его за присылку первого нздаиия поэмы «Кавказский пленник», упоминает н о прнложенном к поэме его, Пушкниа, портрете (гравюра Е. И. Гейтмаиа), изображающем юного Пушкина. Кто был автором этого портрета, так и не установлено. Пушкин в письме к Н. И. Геднчу отмечает, что «Александр Пушкин мастерскн лнтографнроваи, но не знаю, похож лн». Этот портрет нзображает Пушкнна примерно 16—18-летннм юношей.

После этого портрета юного Пушкнна до нас дошлн нзвестные портреты О. Кипренского (1827 г.), А. Тропииина (1827 г.), П. Соколова (1830 г.) и другне. Все онн дают образ Пуш-

кина в зрелые годы. К сожалению, нет или не сохранились портреты, которые бы передавали облик Пушкина в период пребывания его в Молдавии (1820—1823 гг.), а также в Одессе (1824 г.) и Михайловском (1824—1826 гг.). Поэтому стало уже привычным публиковать во всех изданиях произведений Пушкина известные портреты поэта работы О. Кипренского и А. Тропинина.

К счастью, поэт оставил нам свои портреты. Мы имеем в виду значительное количество автопортретов на полях ряда рукописей.

Таких автопортретов Пушкина кишиневского периода мы имеем 5—6. Вот когда и где были они созданы.

1. Июль 1821 г. На полях рукописи с записью турецких слов.

2. Сентябрь 1821 г. На полях черновика рукописи поэмы «Кавказский пленник».

3. Начало 1822 г. На полях беловой рукописи поэмы «Кавказский пленник».

4. 1823 г. На полях XV строфы I главы рукописи «Евгения Онегина».

5. 1823 г. На полях XVI строфы I главы рукописи «Евгения Онегина» (XV и XVI строфы I главы писались в Кишиневе).

6. Конец 1823 г. (Одесса). На полях XI и XII строф II главы рукописи «Евгения Онегина». (Хотя этот автопортрет создан в Одессе, но он отражает облик юного Пушкина кишиневского периода).

Какой же из этих автопортретов наиболее достоверно, ярко и полно передает облик Пушкина в кишиневский период?

Это автопортрет, запечатленный поэтом в начале 1822 г. на полях беловой рукописи «Кавказского пленника». Вот почему мы и дали его в книге «Пушкин в Молдавии» (3-е издание, 1963 г.), и на обложке книжки «Овидиев венец» (1969 г.).

ПУШКИН — ПЕРЕВОДЧИК МОЛДАВСКИХ ЗАКОНОВ

28 апреля 1821 г. полномочный наместник Бессарабского края генерал-лейтенант И. Н. Инзов, отвечая на запрос графа И. А. Каподистрии о Пушкине, писал: «Пушкин, живя в одном со мной доме, ведет себя хорошо, и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. *Я занял его переводом на русский язык, составленных по-французски молдавских законов».* (Подчеркнуто мною.— *Б. Т.).*

Что же это были за «молдавские законы» и кто их «составил», кто их автор?

В ЦГИА (Центральном Государственном историческом архиве) в Ленинграде хранится «Дело о назначении доктора прав Манеги Петра членом комиссии для составления свода местных законов в Бессарабской области».

29 октября 1820 г. Инзов сообщает графу Каподистрия о просьбе уроженца Бухареста Петра Манеги, окончившего полный курс прав в Париже, зачислить его на русскую службу.

При этом Инзов указывает, что «познания его (Манеги) в молдавском языке и систематическое исследование прав будут не бесполезны комиссии установлений для свода местных законов в Бессарабии».

8 января 1821 г. Инзов, извещая Каподистрию о прибытии Манеги в Кишинев, вновь указывает, что «Манега по систематическому исследованию прав и познанию им греческого, французского и молдавского языков может быть употреблен в означенной комиссии... с пользою для здешнего края».

В 1831 г. новороссийский генерал-губернатор сообщал о том, что Манега «с начала 1821 года ... сочинил проект гражданского уложения для Бессарабской области в нескольких частях».

В своем дневнике сослуживец Пушкина, чиновник П. И. Долгоруков сообщает о греке Манеге, присланном «в 1820 году в Кишинев для составления законов для Бессарабии». Очевидно также, что Манега, изучивший право в Париже, писал эти законы на французском языке, ибо П. И. Долгоруков сообщает, что «он (Манега) кончил свою работу в течение года (то есть в 1821 году.— *Б. Т.*) и я две первые тетради перевел по поручению Инзова на русский язык».

Теперь нам ясно не только то, кто был составителем молдавских законов в Бессарабии, но и составленные кем законы переводил Пушкин с французского на русский язык.

Очень возможно, что, работая над переводами этих законов, поэт мог сделать ряд пометок, комментариев на полях рукописей. И задача ис-

следователей — продолжать поиски, не увенчавшиеся пока успехом, и найти рукописи переводов, осуществленных Пушкиным, которые смогут дать нечто новое для биографии поэта.

«Я БЫЛ МАСОН В КИШИНЕВСКОЙ ЛОЖЕ...»

В своем кишиневском дневнике в 1821 г. Пушкин записал: «4 мая был я принят в масоны». А впоследствии, в январе 1826 г. поэт писал В. А. Жуковскому (из Михайловского): «Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи». Масонство, как известно, это нравственно-философское учение, проповедовавшее идею нравственного самоусовершенствования как условие общественного прогресса. Известно, что декабристы использовали масонские ложи как форму политической конспирации, как филиалы декабристских тайных обществ.

Что же представляла собой кишиневская масонская ложа под названием «Овидий», зарегистрированная под № 25 в Великой Ложе «Астрея» в Петербурге?

К кишиневской ложе царское правительство проявляло особый интерес и было очень обеспокоено ее деятельностью. Так, например, начальник главного штаба князь П. М. Волконский в отношении на имя полномочного наместника Бессарабской области генерала И. Н. Инзова

(у которого служил А. С. Пушкин) писал: «До сведения его императорского величества дошло, что в Бессарабии уже открыты или учреждаются масонские ложи под управлением в Измаиле генерала-майора Тучкова, а в *Кишиневе некоего князя Суццо*... При втором находится Пушкин» (подчеркнуто мною.— *Б. Т.*).

Здесь необходимо остановить внимание читателей на следующем любопытном факте.

Во всех работах, посвященных описанию кишиневской масонской ложи, сказано, что руководителем ее являлся бригадный генерал П. С. Пущин. А нач. главного штаба князь П. М. Волконский указывает как на руководителя этой ложи на князя Суццо.

Кто же был этот «некий князь Суццо»?

Молдавский князь Михаил Георгиевич Суццо происходил из древнего молдавского рода, был господарем Молдавии, бежал от турок из Ясс в Кишинев и поступил на русскую государственную службу.

Для политической биографии М. Суццо любопытно не только то, что он был гетеристом, но и участником декабристского движения на юге России и, более того, якобы, даже основателем Общества соединенных славян. Так, декабрист М. П. Бестужев-Рюмин сообщил на допросе следственной комиссии, что «истинный основатель оного (общества) молдавский князь, теперь находящийся за границей. Имени его не помню». За границей в это время (1826 г.) был только один молдавский князь — М. Суццо, в качестве посла во Франции. В своем дневнике от 24 ноября 1833 г. Пушкин записал следую-

щее о встрече с ним в Петербурге: «...Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь послаинпком в Париже... Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишиневе вместе с Пестелем». Вот еще интересное сообщение: оказывается руководитель Тайного общества декабристов полковник Пестель счел необходимым встречаться с М. Суццо, видимо, зная о его связях с декабристами.

В заключение нужно отметить и тот факт, что членами кишиневской масонской ложи были декабристы В. Ф. Раевский, П. С. Пущин и К. А. Охотников.

Так, масонская ложа «Овидий» № 25 являлась своеобразным конспиративным центром декабристов и гетеристов в Кишиневе. Членами ее были русские, молдаване и греки.

Все эти сведения очень важны для истории революционно-освободительного движения в Молдавии. И это тем более диктует необходимость сохранить для потомства, взять под охрану государства бывший дом М. Кацики на улице Кациковской (теперь — О. Кошевого) № 2, где когда-то находилась масонская ложа «Овидий» № 25, членом которой был Пушкин.

КОНСТАНТИН РАЛЛИ — КИШИНЕВСКИЙ ДРУГ ПУШКИНА

В районе новостроек Кишинева, на Рышкановке сохранилась старинная церковь, построенная еще в 1777 г. спатарем (хранитель оружия

господаря) Константином Рышканом. Здесь же расположено старое кладбище, на котором похоронены многие знакомые Пушкина, в том числе и члены семьи молдавского боярина Замфира (Замфиракия) Ралли. Здесь находится и могила его сына, Константина Ралли. Поэт, как мы знаем, был в дружеских отношениях с Константином Ралли, проводил с ним немало времени. Так, сохранились воспоминания в семье Ралли о том, как Пушкин летом 1821 г. (28 июля — 20 августа) ездил с Константином в имение его отца, в село Долну, где встретил цыганский табор и, влюбившись в цыганку Земфиру, прокочевал с этим табором две недели.

Но нас интересует не только дружба Пушкина с Константином Ралли. Сохранились сведения, которые дают нам право говорить об общности политических взглядов К. Ралли с великим русским поэтом как единомышленником декабристов, о влиянии декабристских вольнолюбивых идей в лице Пушкина на молдавскую молодежь.

В своих воспоминаниях подполковник И. П. Липранди сообщает, что у Николая Розована «собирались политики» и что Пушкин любил беседовать с Ризо, автором «Истории Гетерии», а также с «очень начитанным» греком Иваном Скиной, в которых он (Пушкин) встречал людей «с глубокими и серьезными познаниями».

Но особенно примечательно сообщение И. П. Липранди о том, что, если реакционные круги боярства с неприязнью относились к

Пушкину, то было немало «тогдашней молодежи, увивающейся за Пушкиным».

И, видимо, правящие круги царской России располагали какими-то, не известными нам покуда, сведениями об этих политических взаимосвязях, о наличии среди прогрессивных слоев молдавского общества определенного круга лиц, близких к южным декабристам, к Пушкину. Так, граф М. С. Воронцов в письме от 24 марта 1824 г. на имя министра иностранных дел Нессельроде, указывая на необходимость удаления Пушкина из Одессы, находящейся вблизи Кишинева, одной из причин выставляет то, что «...в самом Кишиневе он (Пушкин) найдет в боярах и молодых греках достаточно скверное общество».

Политическое влияние Пушкина не прошло бесследно для Константина Ралли. Так, в 1834 году, через 10 лет после отъезда Пушкина из Молдавии, о Константине Ралли, как сообщает его сын, «даже был запрос официальный, в котором указывалось на вредный образ мыслей бывшего друга Пушкина». Заподозренный в политической неблагонадежности, Константин Ралли был вынужден уехать за границу.

Думается, что этот факт дает нам одно из ярчайших свидетельств политического влияния идей декабризма в лице Пушкина на передовые круги молдавского общества.

«КТО ТАКОЙ КИРДЖАЛИ?»

С таким докладом выступил на 1-й Всесоюзной Пушкинской конференции в Ленинграде в июне 1949 г. (в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина) академик В. А. Гордлевский. Дав обзор исследовательской литературы о пушкинской повести «Кирджали», В. А. Гордлевский говорил и о бесплодных попытках установить, существовал ли в действительности гетерист и молдавский гайдук Кирджали как прототип героя пушкинской повести. Как бы подводя итог этим исследованиям, В. А. Гордлевский заявил, в частности, что даже В. Язвицкий, автор монографии «Кто был Кирджали, герой повести Пушкина», который рылся безуспешно в архивах Румынии, Болгарии и Франции, так ничего в них о Кирджали не нашел. И В. А. Гордлевский делает вывод, что «история Кирджали темна», «образ Кирджали потускнел от времени, утратил историчность», и, следовательно, «мы немного знаем о Кирджали». В заключение В. А. Гордлевский заявил, что, видимо, Кирджали — это нарицательное имя, это название народности, живущей в Болгарии, и отсюда Кирджали стало именем собственным. А такого гетериста и молдавского гайдука, которого описал Пушкин, в жизни не было.

Неужели Пушкин выдумал героя своей повести? Ведь поэт так подробно описал Кирджали, его облик, его судьбу. Да, наконец, в неза-

кончением стихотворении «Чиновник и поэт», написанном в Кишиневе, Пушкин прямо пишет:

«...сегодня мы
Выпровождаем из тюрьмы
За молдаванскую границу
. . . . Кирджали».

Ведь эти строки звучат как свидетельство очевидца!

Нет! Пушкин писал о действительно живом человеке, о гетеристе и молдавском гайдуке Кирджали. И нужно искать исторические документы о нем, и не где-нибудь, а здесь, в Кишиневе.

И вот в 1950 г. в Центральном государственном архиве Молдавской ССР нами были найдены документы, о которых и сообщено на 3-й Всесоюзной Пушкинской конференции в Ленинграде в 1951 г., документы, которые подтвердили, что Кирджали — это действительно исторически существовавшая личность, один из деятелей гетерии, один из народных мстителей в Молдавии, которого царские чиновники искали и поймали в 1822—1823 гг., именно в период пребывания Пушкина в Кишиневе. Первый из этих документов — «Открытое предписание от 21 апреля 1822 г. за № 2014» от имени бессарабского гражданского губернатора К. А. Катакази, который предписывает частному приставу Павлову выехать в Телениешты, чтобы «отыскать и взять для доставления под особым присмотром в Кишинев 3-х человек из находящихся там по билетам этеристов, *именно Кирджали Еоргия, Калауса Еоргия и Капитана Коста»*

(подчеркнуто в документе). Из последующих архивных материалов известно, что серб Георгий Павлович Кирджали снова бежал в Кишинев, здесь был пойман и передан туркам. Затем Кирджали, обманув караульных турок, бежал, вновь был пойман и казнен турками 24 сентября 1824 г.

В заключение любопытно отметить тот факт, что повесть «Кирджали» о молдавском народном мстителе, Пушкин писал одновременно с «Историей Пугачева», «Капитанской дочкой». В 1837 г. молдавский писатель-классик К. Негруци перевел «Кирджали» на молдавский язык.

Таким образом, «Кирджали» был одним из первых произведений Пушкина, переведенных на молдавский язык.

ПУШКИНСКИЙ ПЛАН «РЕВИЗОРА»

В своей «Авторской исповеди» Н. В. Гоголь сообщает, что А. С. Пушкин «отдал мне свой собственный сюжет... это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему)».

Когда же у Пушкина возник замысел «Ревизора» и какие жизненные факты натолкнули поэта на эту тему?

У Пушкина среди различных черновых набросков есть набросок плана какого-то предполагаемого художественного произведения, глав-

ным героем которого должен был стать тип, подобный Хлестакову. В плане записано: «Свиньин приезжает в губернию на ярманку — его принимают за... Губернатор честный дурак. Губернаторша с ним кокетничает — Свиньин сватается за дочь». Есть все основания предполагать, что это и есть запись фабулы «Ревизора», которую Пушкин передал Гоголю.

Но запись этого плана нас интересует еще и потому, что здесь устанавливается связь с одним эпизодом, происшедшим в Молдавии. Известный журналист, мелкий чиновник коллегии иностранных дел П. П. Свиньин был послан в 1815 г. в Кишинев для «обозрения и описания Бессарабской области». После этого Свиньин опубликовал в издаваемом им журнале «Отечественные записки» ряд очерков о Бессарабии, в которых допустил некоторый вымысел. Пушкин, зная о склонности Свиньина к вранью, заклеймил его в своей сказочке-памфлете «Маленький лжец», где писал: «Павлуша был опрятный, добрый, примерный мальчик, но имел большой порок — он не мог сказать трех слов, чтобы не солгать». Свиньин, как рассказывал (по свидетельству О. М. Бодянского) Пушкин Гоголю, прибыв в Бессарабию, стал выдавать себя за видного петербургского чиновника и, только зашедши далеко (стал было брать прошения и жалобы, на что не имел права), был остановлен. Таким образом, эпизод, произошедший со Свиньиным в Молдавии, вошел в план литературного произведения, который Пушкин передал Гоголю, и на основании его Гоголь написал свою бессмертную комедию «Ревизор».

«В БЕНДЕРАХ ВРЕМЯ ПОЩАДИЛО...»

Уехав из Молдавии, из Кишинева в начале августа 1823 г., Пушкин сохранил в своем сердце память о Молдавии, о ее народе, о его жизни, истории. В письме к кишиневскому другу Н. С. Алексееву от 26/XII 1830 г. Пушкин писал: «Пребывание мое в Бессарабии доселе не оставило никаких следов, ни поэтических, ни прозаических. Дай срок, надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто».

И Пушкин написал ряд произведений, связанных с Молдавией (среди них важнейшие: поэма «Цыганы», повесть «Кирджали»), либо упоминает о Молдавии в некоторых произведениях. Так, двукратное посещение Бендер нашло свое отражение в эпилоге поэмы «Полтава», где Пушкин писал:

В стране, где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.

В черновике первая строка эпилога начиналась иначе: «В Бендерах время пощадило...»

О чем здесь пишет Пушкин?

Почему он упоминает о шведском короле?

Дело заключается в следующем. После поражения в Полтавской битве (1709 г.), шведский король Карл XII бежал вместе с изменником гетманом Мазепой в Бессарабию и поселился в

шведском лагере на берегу Днестра, у села Варница, в 4 км от Бендер, где и жил до 1713 г., пока по настоянию Петра I не был оттуда насильно удален турками. Вот об остатках этого лагеря, «мхом поросшие ступени» которого «в Бендерах время пощадило», и пишет Пушкин в поэме «Полтава». В 1925 г. из камня, взятого из остатков лагеря на берегу Днестра, у Варницы сооружен обелиск в память нахождения здесь лагеря Карла XII.

«ЧУГУН КАГУЛЬСКИЙ, ТЫ СВЯЩЕН...»

В своих заметках к поэме «Цыганы» (в 1824 г.) Пушкин писал: «Бессарабия известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас... Но доныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников».

И великий русский поэт с первых же дней по приезде своем в Бессарабию проявлял интерес к Молдавии, молдавскому народу, к его истории, жизни, быту и культуре. Это сказалось и в его интересе к историческим местам, связанным с прошлым молдавского и русского народов, с их совместной борьбой против иноземных захватчиков. В вариантах примечаний к поэме «Цыганы» Пушкин писал о Бессарабии: «От Олега и Святослава до Румянцева и Суворова она была театром наших войн» (в другом варианте: «От Олега и Святослава до Суворова и

Кутузова она была театром наших вечных войн»).

В начале XVII века молдавский народ, стонущий под турецким игом, обращает свои взоры к России, видя в ней единственную силу, способную оказать помощь в изгнании из пределов страны турецких поработителей. В 1656 г. и 1674 г. молдавские господари обращаются к царю Алексею Михайловичу с просьбой о принятии Молдавии в состав Российского государства. Однако турки всячески препятствовали мирному разрешению этого вопроса, имеющего жизненно важное значение для молдавского народа, извечно связанного со славянскими народами.

Россия не могла быть равнодушна к судьбе молдавского народа. Начиная с Прутского похода Петра I (1711 г.), вплоть до 1812 г., т. е. на протяжении столетия Бессарабия была, как правильно определил Пушкин, театром беспрерывных войн России против Турции.

7 июля 1770 г. (то есть 200 лет тому назад) 39-тысячное войско под командованием генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева разбило 80-тысячное войско турок у реки Ларга, а 21 июля того же года 17-тысячное русское войско разгромило 150-тысячную армию турок около села Вулканешты и реки Кагул. Кагульское поле битвы, находящееся слева от современного шоссе, идущего от Болграда в Кагул, представляет собой возвышенность, огромным полукругом охватывающую котловину, в которой находится русло пересохшей теперь реки Кагул, проходящей через центр села Вулканешты. На Ка-

гульском поле битвы в одном километре от с. Вулканешты и реки Кагул был воздвигнут (в течение 1844—1848 гг.) и в 1849 г. открыт памятник, представляющий собой гранитный обелиск в дорическом стиле (круглая колонна) около 25 метров высоты, установленный на пьедестале с двумя чугунными плитами, укрепленными на нем. На одной из них написано: «1770-го года, июля 21-го дня, граф Петр Александрович Румянцев, на сем месте, с семнадцатью тысячами русских воинов, разбил стопятидесятитысячную турецкую армию, под начальством верховного визиря Халиля-Паши». На другой плите — «Памятник сей незабвенной битвы, в которой пали навсегда свирепые янычары, несколько столетий страшившие Европу, Азию и Африку».

В 1956 г. памятник подвергся реставрации, на капители восстановлен крест над полумесяцем.

Слева от монумента находится 3-метровый памятник, поставленный на месте гибели полковника С. Воронцова, отца М. С. Воронцова, у которого служил в Одессе Пушкин.

В своих «Воспоминаниях» подполковник И. П. Липранди, с которым Пушкин совершил поездку по Бессарабии, рассказывает, что по дороге из Болграда (в 19 километрах от Вулканешт), подъезжая к селению Греченин, он (Липранди) сказал Пушкину: «Жаль, что темно, он бы увидел влево Кагульское поле». «При этом слове, — рассказывает Липранди, — он (Пушкин) встрепенулся и первое его слово было: «Жаль, что не ночевали, днем бы увидели».

«Тут я,— продолжал Липранди,— опять убедился, что он вычитал все подробности этой битвы, *проговорил какие-*то *стихи* (подчеркнуто мною.—*Б. Т.*) и потом заметил, что Ларга должно быть вправо и проч.» Не в это ли время у Пушкина сложились стихи, посвященные Кагульской битве и дошедшие до нас в незаконченных отрывках?

«Чугун кагульский, ты священ...»

Нужно ли удивляться тому, что великий русский поэт стремился ознакомиться с историческими событиями, а главное, с историческими местами в Молдавии, театром героических битв русского и молдавского народов с турецкими захватчиками. Вот почему он так взволнованно и прочувственно написал в стихотворном послании к поэту Е. А. Баратынскому в 1822 г. из Молдавии:

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

И. П. ЛИПРАНДИ — КТО ЖЕ ОН?

Подполковник Иван Петрович Липранди, хороший знакомый Пушкина по Кишиневу, до сих пор считается загадочной личностью, человеком, имя которого окружено легендами. О нем и теперь сообщают самые противоречивые сведе-

ния и спорят о том, кто же он такой: офицер, ученый, декабрист, шпион, провокатор или все вместе взятое?

Потомок испанца, переселившегося в Россию, участник Отечественной войны 1812 г., И. П. Липранди после одной очень таинственной дуэльной истории был переведен из гвардии в рядовой армейский полк и 7 января 1820 г. прибыл в Кишинев, где ему (по его словам) было поручено «собирание сведений о действиях турок в придунайских княжествах и Болгарии».

В декабре 1821 г. Липранди было поручено расследовать дела о солдатских волнениях в 32 егерском полку в Аккермане (Белгород-Днестровский) и 31 егерском полку в Измаиле. В этой 10-дневной поездке по Бессарабии (13—23 декабря) И. П. Липранди сопровождал Пушкин.

В черновых набросках «Примечаний» к поэме «Цыганы» Пушкин, отмечая «истинную ученость» Липранди, сообщает о его труде «Историческое и статистическое описание Бессарабии». Необходимо отметить, что в фонде И. П. Липранди, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, имеется значительное количество неопубликованных или опубликованных частично работ, главным образом по истории Молдавии, Валахии, Оттоманской империи, о национально-освободительном движении народов на Балканах. А богатейшую библиотеку Липранди, включающую книги по истории Молдавии, Турции, балканских стран, приобрел в 1856 г. Генеральный штаб.

Что касается политического лица Липранди,

то о его деятельности в кишинёвский период существуют самые противоречивые сведения.

Так, декабрист С. Г. Волконский в своих «Записках» сообщает, что Липранди был «...в уважение его передовых мыслей и убеждений, принят в члены открывшегося в 15-й дивизии отдела Тайного общества». 17 января 1826 г. Липранди был арестован по делу декабристов. Однако вскоре, 19 февраля 1826 г. был освобожден, причем в «Алфавите декабристов» (составлен для царя Николая I) было записано, что он, Липранди, к тайному обществу не принадлежал, о существовании такого не знал и ни с кем из членов его сношений не имел (!?). Как же это так? Ведь С. Г. Волконский, один из руководителей Южного тайного общества, прямо сообщает, что Липранди был принят членом Тайного общества декабристов!

А вот еще один интересный факт. В 1828 г. Липранди по личному указанию Николая I был назначен начальником вновь учрежденной высшей тайной заграничной полиции.

И тут возникает естественный вопрос. Как 18
могло случиться, что Липрандн, попавший в «Алфавит декабристов», пускай оправданный, через 2 года получил из рук самого царя столь значительный пост? Ответ на это может быть один. И. П. Липранди уже в бытность свою в Кишиневе был на службе у царизма, как агент-провокатор пролез в тайное общество декабристов и был только для вида арестован царским правительством. Это положение теперь принято в нашем пушкиноведении. Более того, высказывается предположение, что Липранди был винов-

ником разгрома кишиневской ячейки декабристов, ареста В. Ф. Раевского, увольнения генерала М. Ф. Орлова.

В заключение мы хотим обратить внимание читателей на то, что в образе Сильвио, героя повести Пушкина «Выстрел», есть очень много сходства с внешностью, биографией, жизненным поведением И. П. Липранди.

ДНЕВНИК П. И. ДОЛГОРУКОВА

В 1930 г. близ г. Мичуринска, в бывшем помещичьем доме был найден любопытный документ, который оказался дневником некоего П. И. Долгорукова.

Кто был этот Долгоруков и почему нам интересен его дневник?

Павел Иванович Долгоруков, сын довольно известного поэта И. М. Долгорукова, когда ему «наскучило жить 12 лет в столице... в ничтожных канцелярских трудах», уехал в Кишинев, где стал чиновником в канцелярии генерала И. Н. Инзова и сослуживцем Пушкина. Приехав в Кишинев 1 августа 1821 г., Долгоруков с 1 января 1822 г. начал вести дневник, куда «положил записывать важнейшие происшествия в виде повседневного журнала» и вел его до 22 сентября 1822 г. Его дневник — это записи недалекого чиновника-обывателя — не заслуживал бы внимания, если бы в нем не были даны 23 записи о Пушкине да не встречались бы отдель-

ные вериые зарисовки тупой чииовиичьей среды царской России.

Так, 3 январа 1822 г. Долгоруков записывает: «Товарищ мой вечио сидит за картами или ездит в ряды торговать безделки. Прочие наши подчииеииые заиимаются сплетиями и держат стороиу того, кто более кричит или кому преимуществеиио везет у главиого иачальиика». В записи от 18 апреля 1822 г. даиа еще более обличительиая характеристика чииовиого мира, окружавшего Пушкииа в Кишииеве, в каицелярии Иизова, где «держат людей лишиих, бесполезиых, часто шутов и дураков из одиой милости и забавы».

Но иам особеиио любопытиы те диевииковые записи Долгорукова, в которых упомииается Пушкии и где перепугаииый благоиамереииый чииовиик Долгоруков приводит вольиолюбивые высказываиия поэта.

Заявляя, что «Пушкии умеи и остер, ио нравствеииость его в самом жалком положеиии», что у поэта «ум пылкий, ие осиоваииый иа правилах разума и нравствеииости», Долгоруков в доказательство этого приводит высказываиия Пушкииа, резко обличавшего царизм и его опору — церковь.

Вот иекоторые из иаиболее ярких высказываиий. В записи от 29/I 1822 г. Долгоруков сообщает о том, как в церкви «слушали проповедь о блудиом сыие, которую какой-то дюжий протопоп с иапряжеиием всех сил и душевиых и телесиых по кииге читал иам, между тем как Иизов виимал ей благоговейио, а Пушкии смеялся».

В записи от 15/IV 1822 г.: «Пушкин рассуждал за столом, отчего русские своего языка гнушаются, порочил невежество духовенства, говорил с жаром...»

«За столом у наместника Пушкин... вдруг отпустил следующий силлогизм:

«Прежде народы восставали один против другого, теперь король неаполитанский воюет с народом, прусский воюет с народом, гишпанский — тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх». Глубокое молчание после этих слов. Оно продолжалось несколько минут, и Инзов прервал его, повернув разговор на другие предметы» (Запись от 27/V 1822 г.).

«Пушкин ругает правительство, помещиков, говорит остро, убедительно, а за стульями слушают и внимают соблазнительным мыслям и суждениям» (Запись от 20/IV 1822 г.).

В записи от 20/VII. 1822 г. мы читаем: «Наместник ездил сегодня на охоту. В отсутствие его накрыт был стол для домашних, за которым и я обедал с Пушкиным. Сей последний, видя себя на просторе, начал с любимого своего текста о правительстве в России. Охота взяла переводчика Смирнова спорить с ним, и чем более он опровергал его, тем более Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец полетели ругательства на все сословия: штатские чиновники подлецы и воры... на дворян русских особенно нападал Пушкин. Их всех надобно повесить. И если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петли».

И Долгоруков в записи от 11/I 1822 г., с ужасом вопрошая, может ли Пушкин, «человек,

отвергающий правила веры и общественного порядка, быть истинно добродетелен», здесь же сообщает, что Пушкин «всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России».

Так чиновник-реакционер Долгоруков, сам этого не желая, сохранил для нас, потомков, свидетельства о свободолюбивых взглядах и мыслях Пушкина.

«ЕГО ТЕПЕРЕШНИЙ КОНЕК — ВЕЧНЫЙ МИР»

Е. Н. Орлова — жена декабриста, генерала М. Ф. Орлова — сообщала в письме от 23 ноября 1821 г. к своему брату Александру Николаевичу Раевскому: «Мы очень часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек — вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир».

В бумагах Пушкина сохранился набросок опубликованной статьи конца 1821 г. (дата эта устанавливается на основании вышеуказанного письма Е. Н. Орловой) о путях ликвидации войн и установления всеобщего мира.

Набросок, содержащий размышления Пушкина о мире, передает суждения поэта по поводу труда французского просветителя XVII—

XVIII веков аббата Сен-Пьера «Проект вечного мира» (1716 г.). Однако, как это видно из текста, Пушкин ознакомился с идеями Сен-Пьера не по его труду, а по изложению Жан-Жака Руссо, данному им в работах «Сокращение проекта вечного мира» и «Суждение относительно проекта о вечном мире».

Набросок, написанный на французском языке, был полностью опубликован лишь в 1930 г. известным пушкиноведом Б. В. Томашевским и теперь входит во все полные собрания сочинений поэта, причем публикуется на русском и французском языках.

Пушкинскому рассуждению о мире посвящено значительное количество исследований, среди которых следует выделить, как одну из наиболее значительных работ, статью академика М. П. Алексеева «Пушкин и проблема «вечного мира». Мы не можем не согласиться с М. П. Алексеевым, что несмотря на наличие обширной литературы, посвященной исследованию отрывка Пушкина, он все же «известен далеко не столь широко, как того заслуживает».

Для того чтобы правильно осмыслить этот отрывок, необходимо учесть, что, как отмечает академик М. П. Алексеев, «Проект вечного мира» Сен-Пьера, а также изложение содержания трактата и суждения о нем Руссо были важны для Пушкина потому, что, во-первых, они были близки мыслям Пушкина и, во-вторых, давали толчок для его собственных рассуждений и выводов. В своих рассуждениях Пушкин опирался на политическую позицию декабризма в вопро-

сах войны и мира — на анализ фактов современной внутренней и международной жизни.

Пушкин ставил и решал проблемы войны и мира совершенно по-иному. Он дал им свое истолкование, дойдя до осуждения феодально-абсолютистских монархий, как виновников несправедливых войн, и делая вывод о возможности ликвидации армии, войск в условиях установления республиканских, конституционных правительств.

Это видно из рассуждений Пушкина о «вечном мире». Вот цитата из этого отрывка:

«Невозможно, чтобы люди со временем не уразумели смешную жестокость войны, как они уразумели существо рабства, царской власти и т. д. Они увидят, что наше предназначение есть, пить и быть свободными».

Далее Пушкин цитирует следующие слова Ж. Ж. Руссо: «То, что полезно обществу, вводится в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат... Воздадим должное этому прекрасному плану (то есть установлению «вечного мира».— *Б. Т.)*, но утешимся в том, что он не осуществлен, так как это можно достигнуть только средствами жестокими и ужасными для человечества».

Комментируя эти строки Руссо, Пушкин заключает: «Очевидно, что эти ужасные средства, о которых он говорил,— революции. Вот они и настали».

Пушкин, мечтая «...о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», осуждая войны несправедливые, все же не был противником всяких войн.

В Кншиневе он прнветствовал национально-освободнтельиую войиу греков и сербов против турок, революцнонные войны народов Западиой Европы протнв монархнческой власти.

Пушкнн приветствовал освободнтельные войны русского иарода, посвятнл Полтавскому сраженню 1709 г. н Бородннской бнтве 1812 г. свон лучшне пронзведения.

Большое место в рассуждениях Пушкниа о войне заннмает проблема ролн народа.

Воспев Отечествеиную войну 1812 года, Пушкнн в протнвовес офнцнальиой нсториографнн показывает, что не Александр I н не пространства Росснн н морозы победнлн Наполеона, а русский народ под руководством великого полководца Кутузова. В X главе «Евгеиия Онегнна», в «Рославлеве» Пушкнн указывает, что «народ ожесточнлся» и «остервеиенне иарода», его подлииный патриотнческий геронзм — вот что спасло Россню, да н всю Европу от наполеоновского нга.

Предупреждая любнтелей бряцать оружием, напомнная о бесславиой гнбелн врагов Росснн, Пушкнн пнсал, что «есть место им в полях Росснн среди иечуждых им гробов».

Осужденне агрессивных войн н мечта об уннчтожеинн этнх войн, установленне мнра и дружбы между народамн, призиаине войн, которые ведет народ, защищая свою Родину, свою свободу,— такова основная позицня великого русского поэта в вопросах войны н мира.

«ТВОЕЙ МОЛВОЙ НАПОЛНЕН СЕЙ ПРЕДЕЛ...»

Прошло 150 лет со времени пребывания Пушкина в Молдавии. Молдавский народ всегда хранил и свято хранит память о *поэте-гражданине*.

Освобожденный молдавский народ вместе со всеми народами нашей Родины получил неограниченные возможности приобщения к братской русской культуре и, в частности, к светлому роднику пушкинского творчества. Выдающимся культурным событием в жизни молдавского народа явилось издание в 1949 г. однотомника, а в 1962 г. трехтомника избранных произведений Пушкина на молдавском языке. Над переводом произведений поэта работали ведущие молдавские писатели Ем. Буков, А. Лупан, П. Крученюк, Г. Менюк, Л. Деляну, Б. Истру, Ю. Баржанский и др. В 1951 г. вышел отдельным изданием роман в стихах «Евгений Онегин». И теперь нет сельской библиотеки, где бы не было произведений Пушкина, переведенных на молдавский язык.

Память великого русского поэта увековечена и в названиях школ, улиц, колхозов, библиотек, клубов. В одном только Кишиневе имя Пушкина носят Молдавский государственный музыкально-драматический театр, одна из центральных улиц, городской парк, республиканская детская библиотека и городская школа.

Летом 1821 г. Пушкин почти месяц провел в

имении молдавского боярина Замфира Ралли, в селе Долна (Ниспоренского района).

По дороге в село Юрчены Пушкин встретил цыганский табор. Тут он увидел цыганку Земфиру, дочь цыганского старосты (булибаши), влюбился в нее и две недели сопровождал табор в районе сел Юрчены, Варзарешты, пока Земфира не убежала от него. Быт и нравы молдавских цыган Пушкин потом изобразил в поэме «Цыганы», написанной уже в Одессе в 1824 г.

Поэма во многом автобиографична, отражает пребывание Пушкина в цыганском таборе. В эпилоге поэмы Пушкин писал:

За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.

Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР село Долна Ниспоренского района переименовано в Пушкино.

Село Пушкино и сейчас живет воспоминаниями о пребывании здесь великого русского поэта. Жители села из поколения в поколение передают предания о его жизни здесь. В селе сохранился до настоящих дней бывший дом боярина Ралли, где бывал Пушкин. Колхозники реставрировали дом и 8 октября 1964 г. открыли в нем экспозицию «Пушкин в Молдавии». Здесь же размещены сельская библиотека и музыкальная школа. Перед домом поставлен памятник.

Дом-музей поэта в селе Пушкино пользуется огромной популярностью. Только за первые пять лет существования музея его посетило свы-

ше 6 тысяч экскурсантов. Среди них не только советские граждане, но и гости из многих зарубежных стран. Так, например, 12 сентября 1968 г. Дом-музей посетила большая группа дипломатов из стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Все, кто бывает здесь, знакомятся с большими успехами в экономике и культуре, которых достигли колхозники села Пушкино и колхоза его имени при Советской власти.

В селах колхоза теперь работают 65 учителей, 93 медработника. В трех библиотеках имеется более 50 тысяч книг. Свыше 1000 школьников получают образование в школах колхоза, а в других средних и высших учебных заведениях учится более 150 человек. В колхозе работают киноустановки, колхозники выписывают около 3500 газет и журналов.

Таково теперь бывшее село Долна — село Пушкино!

* * *

Все, о чем мы писали в наших очерках о Пушкине в Молдавии, основано на многолетием изучении жизни и творчества поэта в кишиневский период. И отрадно отметить, что изучение темы «Пушкин в Молдавии» за последние годы серьезно продвинулось вперед.

Однако все это только начало углубленного и развернутого изучения темы, в которой находят свое отражение связи между русской и молдавской литературами, основание которым во многом положил русский поэт А. С. Пушкин.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

„Твоей молвой наполнен сей предел...“

Редактор А. Единевская.
Художник Е. Барашков
Художественный редактор Н. Тарасенко
Технический редактор Д. Шехтер
Корректор С. Нечаева

Сдано в набор 4/X-1972 г. Подписано к печати 11/I-1973 г. АБ04641. Формат 70×90[1]/32. Бумага № 1. Печатных листов 1,61. Уч.-издат. листов 1,35. Тираж 15 000. Цена 4 коп. Зак. № 1151.

Издательство «Картя молдовеняскэ», Кишинев, ул. Жуковского, 44.

Кишиневская типография № 2 Полиграфпрома Госкомиздата МССР, г. Кишинев, ул. Советская, 8.

4 коп.